

Советская жизнь как предмет исторической реконструкции

Елена Зубкова

Soviet life as a subject of historic reconstruction

Elena Zubkova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870006372-0

Советский проект в самых разных своих проявлениях всегда привлекал внимание экспертов — историков, политологов, социологов, культурологов. Социальная история, пережив в конце 1990-х гг. историографический «бум», превратилась в одно из наиболее интенсивно развивающихся направлений исследований *феномена советского*. Её популярность во многом связана не только с широтой предмета, но и с восприимчивостью к междисциплинарным методам, органичным — хотя часто непересекающимся — сосуществованием макро- и микроистории, а также некоторой «всеядностью» источниковой базы. За годы стремительного развития социальной истории России советского периода удалось создать внушительный историографический багаж. Его комплексная «инвентаризация» — задача специального исследования. Однако уже сейчас очевидно, что этот опыт не просто нуждается в обобщении. Он должен стать стартовой площадкой для новых исследований, аккумулирующих знания о советской реальности и верифицирующих предложенные модели её объяснения. Поэтому главная перспектива развития *социальной истории советского* — синтез: методологический и предметный.

Разработка интегральных исследовательских стратегий — проблема, актуальная не только для социальной истории России XX в. Л.П. Репина, отслеживая тенденции мировой историографии, ещё в конце 1990-х гг. обосновала необходимость междисциплинарного синтеза как новой познавательной ориентации социальной истории¹. С тех пор на эту тему написано уже немало², а высказанные идеи успешно реализуются в конкретных исследованиях. Вместе с тем опыты *предметного* синтеза, основанные на использовании интегральных предметных моделей для изучения феномена советского, пока являются скорее исключением. Отмечу три книги, весьма разные по замыслу, методологии и стилю. А.В. Юрчак использовал модель синтеза для реконструкции жизни

© 2019 г. Е.Ю. Зубкова

¹ Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Ч. 2 // Социальная история. Ежегодник 1998—1999. М., 1999. С. 7—38.

² См., например: Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой, Л.П. Репиной. М., 2004; Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М., 2008; Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009.

одного поколения — позднесоветского³. Ю.Л. Слёзкин сделал практически то же самое, но в масштабе микромира, точнее *микрокосма* советского: «Дома на Набережной»⁴. Н.Б. Лебина предложила своего рода книгу-конструктор, из которого каждый читатель может собрать собственный *советский мир*⁵. Мы проходим сейчас поисковый период, когда необходимость *конструирования советского*⁶ — создания целого из фрагментов — уже вполне осознана научным сообществом, но сохраняется дистанция между идеей и её воплощением.

В данной статье, которая носит характер не столько постановочный, сколько импульсный и в чём-то провокационный (на что я надеюсь), в качестве интегральной исследовательской модели предлагается феномен *советская жизнь*. Идея эта родилась не сегодня. Несколько лет назад готовился к изданию очередной том серии «Документы советской истории», посвящённый *советской повседневности* послевоенных лет. Вместе с тем логика источника вывела сборник за привычные границы истории повседневности, но при этом его содержание более адекватно и объёмно отражало социальную реальность того времени — условия и стратегии существования граждан страны. Так появилось новое название — «советская жизнь»⁷. Однако возникают естественные вопросы. В какой степени это понятие поддаётся концептуализации? По каким критериям можно структурировать/реконструировать *советскую жизнь*? Насколько удачными/неудачными оказались прошлые опыты создания интегральных моделей советской социальной реальности? Как они помогают оценить перспективы изучения феномена *советского*?

Вызовы постсоветской ностальгии

Весомый аргумент в пользу использования понятия «советская жизнь» для обозначения предмета исторического исследования дал современный опыт коллективного освоения советского прошлого. Одно из наиболее заметных явлений на этом поле — постсоветская ностальгия. Историческая наука и коллективная память, как известно, представляют собой разные форматы, разные способы «работы» с прошлым. Вместе с тем «историк всегда помнит о том, что конструируемое им прошлое раньше было чьим-то настоящим»⁸. Советский период истории — особая территория познания: здесь прошлое всё ещё плотно сосуществует с настоящим, воспоминания не только не «остыли», но и активно участвуют в создании образов ушедшей реальности.

Как правило, они насыщены положительным смыслом. Социологи Левада-Центра, изучающие отношение россиян к факту распада Советского Союза, уже на рубеже 1990—2000-х гг. отметили ностальгию по СССР как устойчивый

³ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014.

⁴ Слёзкин Ю. Дом Правительства. Сага о русской революции. М., 2019.

⁵ Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб., 2006; Лебина Н.Б. Пассажиры колбасного поезда. М., 2019.

⁶ Европейский университет (Санкт-Петербург) с 2007 г. проводит ежегодные конференции и издает сборники статей в рамках проекта «Конструируя “советское”? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности». Примечательно, что участниками проекта являются аспиранты и молодые учёные, родившиеся или прошедшие социализацию в постсоветский период, для которых советский опыт уже не является территорией «личной» истории.

⁷ Советская жизнь. 1945—1953 / Сост. Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А. Кузнецова, А.И. Минюк, Л.А. Роговая. М., 2003.

⁸ Савельева И.М., Поletaев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб., 2003. С. 5.

феномен⁹. В начале 2000-х гг. доля сожалеющих о распаде союзного государства составляла 68—75% опрошенных. Спустя почти 20 лет, согласно опросу, проведённому в ноябре 2018 г., аналогичный ответ дали 66% респондентов (рост с 58% годом ранее)¹⁰. Появился особый показатель — «индекс ностальгии по СССР», измеряющий таковую среди различных возрастных групп. Нас, впрочем, интересует не столько сам факт таких настроений, сколько их причины. Предлагаемый Левада-Центром выбор ответов не слишком широк и вынужденно — в целях фиксации динамики — ориентирован на более ранние опросы. Вместе с тем можно наблюдать одну характерную тенденцию: постепенное снижение доли политических (утрата принадлежности к великой державе) и экономических (разрушение единой экономической системы) мотиваций и увеличение удельного веса аргументов, связанных с условиями жизни и отношениями людей внутри социума. Ностальгия сохраняет преимущественно этатистскую природу, но в картине советской реальности, конструируемой в коллективной памяти, образ государства постепенно меркнет: *тоска по державе* уступает место *тоске по смыслам*¹¹. Может быть, поэтому люди, положительно оценивающие советский период истории, в том числе и своей личной истории, вовсе не пытаются вернуться «назад в СССР»?

Ещё более очевидно данную тенденцию демонстрирует российская блогосфера. Благодаря информационным технологиям Интернет стал едва ли не главной площадкой, где создаются и транслируются образы советского прошлого, организуются сообщества, объединённые общими воспоминаниями¹². Причём в виртуальном пространстве произошла своего рода музеефикация советского прошлого, которая материализовалась в феномене «народных музеев»¹³. Этот процесс всегда связан с отбором: хронологического периода, событий, символов прошлого. Интернет-сообщества и «народные музеи» в большинстве своём сфокусированы на 1970—1980-х гг. — территории воспоминаний последнего советского поколения. Другая особенность ностальгической музеефикации заключена в наполнении импровизированных экспозиций. Как полагает Р.Н. Абрамов, энтузиастами движет прежде всего стремление «выделить и охарактеризовать типичные черты той эпохи, воплощённые в устройстве повседневной жизни «простых советских людей»¹⁴.

Один из первых и наиболее ярких проектов «народного музея» советской эпохи — «Музей социалистического быта», открывшийся в 2011 г. в Казани. Расположенный в бывшей коммунальной квартире, он представляет собой внушительную по объёму коллекцию артефактов 1970—1980-х гг.: предметов

⁹ Седов Л.А. Ностальгия по СССР (URL: <https://www.levada.ru/2007/12/23/1-a-sedov-nostalgiya-po-sssr/>).

¹⁰ Ностальгия по СССР (URL: <https://www.levada.ru/2018/12/19/nostalgiya-po-sssr-2/>).

¹¹ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось... С. 45.

¹² Абрамов Р.Н. «Советский чердак» российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ // INTER. 2011. № 6. С. 88—103; Фокин А.А. Реликты и симулякры советского в современном российском медиапространстве // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 1/2. С. 64—73.

¹³ Абрамов Р.Н. Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия? // Человек. 2013. № 5. С. 99—111; Абрамов Р.Н. Музеефикация советского: между барахолкой и винтажным салоном // Музей. 2013. № 6. С. 8—11; Тимофеев Т.Ю. Музеефикация СССР // Лабиринт. 2014. № 5. С. 25—33.

¹⁴ Абрамов Р.Н. Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия? С. 4.

повседневности, одежды, детских игрушек, парфюмерии, музыкальных инструментов и т.д. Организаторы считают, что этот набор помогает понять, «чем совсем ещё недавно жила огромная многонациональная страна под гордым названием СССР»¹⁵. Инициаторы аналогичного проекта в Санкт-Петербурге пишут: «Цель музея не показать достижения советского периода, а вызвать у людей тёплые воспоминания и положительные эмоции»¹⁶. Экспозиции вполне отвечают этой цели: несмотря на приглашение «совершить тур в светлое прошлое», они, в общем, не несут идеологической заданности и вовсе не чужды иронии/самоиронии над прошлым (например, среди экспонатов можно увидеть тунику, сшитую из пионерских галстуков, или куртку из обложек партийных билетов).

«Народный музей», реконструирующий советскую жизнь, — не столько форма сакрализации прошлого, сколько, пользуясь выражением С. Бойм, «общее место» памяти¹⁷ и показа вещного мира советского. Названия музеев «социалистического быта» лишь частично отражают как замысел инициаторов, так и состав коллекций. Не случайно в английском варианте они звучат более точно: «Museum of Soviet Lifestyle». Советский стиль/образ жизни, безусловно, прочитывается в собраниях, но с точки зрения организации экспозиций они больше напоминают «лавку древностей», способную разве что удовлетворить «антикварное» любопытство посетителей, но не предлагающую сколько-нибудь цельной картины социальной реальности¹⁸. Впрочем, организаторы музеев, не будучи профессионалами, и не ставили перед собой такой задачи. Другое дело — историки. Есть повод присмотреться к этому любопытному феномену: в конце концов, часто именно в сфере коллективных воспоминаний формируется своего рода социальный заказ: запрос, определяющий перспективную предметную область для исторических исследований.

Речь идёт о профессиональном ответе на ностальгический вызов, использовании *познавательного потенциала ностальгических настроений*, а вовсе не о следовании за модой и создании истории в этом ракурсе. Тем более что в публикациях, превращающих прошлое «в любимый парк культуры и отдыха»¹⁹, недостатка как раз и нет. В одной из работ, посвящённых «будущему ностальгии», автор предложила развивать теорию и практику не *ретроспективной*, а *«перспективной»* ностальгии, когда «любовь к руинам сочетается с поиском свободы, а невостребованное прошлое открывает новые дороги в будущем»²⁰. Траектория познания «перспективной ностальгии» в направлении освоения «непредусмотренного прошлого» часто идёт в обход общепринятых концепций, методик и особенно бинарных оппозиций²¹.

¹⁵ Музей социалистического быта (URL: <http://muzeisb.ru/>).

¹⁶ Музей социалистического быта (URL: <http://muzeisb.ru/muzey-socialisticheskogo-byta-v-sankt-peterburge/>).

¹⁷ Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни. М., 2002.

¹⁸ Об этой особенности «народных музеев» и их виртуальных аналогов: Абрамов Р.Н. Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия? С. 11—12.

¹⁹ Бойм С. Общие места... С. 295.

²⁰ Бойм С. Будущее ностальгии // Неприкосновенный запас. 2013. № 3 (URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3725>).

²¹ О критике бинарных оппозиций, используемых при описании советской действительности, см.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось... С. 38—44.

Одной из первых попыток преодоления бинарного восприятия советской социальной реальности и одновременно опережающей — в сравнении с профессиональной историографией — реакцией на «ностальгический вызов» является медиа-проект Л.Г. Парфёнова «Намедни». Начатый в конце 1990-х гг. как серия телевизионных фильмов, он продолжился в книжном и Интернет-вариантах и представляет собой «свод феноменов советского периода — попытку увидеть главные черты этой цивилизации». Принцип его построения — монтаж: событий, людей, явлений²². Критерии отбора обусловлены спецификой жанра журналистики («то, без чего нас невозможно представить, ещё труднее понять») и форматом подачи на ТВ («телегеничностью»²³). Уже в силу этого обстоятельство их нельзя оценивать с точки зрения научной корректности. Однако реконструкция получилась хотя и не вполне отрефлексированной, но более объёмной и многогранной, чем в большинстве исторических трудов.

Произошло это за счёт совмещения разных оптик восприятия и презентации советского: «большой» и «малой» истории, политики и повседневности, внутренней жизни и мирового контекста. Совмещение различных форматов реальности, синхронизация разномасштабных процессов и явлений свойственны картине мира и жизненным стратегиям «обычного» человека. Для него очередной «исторический» партийный съезд или международный кризис — чаще всего не более чем кулиса, на фоне которой протекает его собственная, обременённая заботами и наполненная радостями жизнь. Историки и культурологи рассматривают «Намедни», как правило, в русле ностальгического дискурса, хотя и позиционируют его как разновидность *рефлексирующей* (или *иронической*²⁴) ностальгии²⁵. Для нас же данный проект представляет интерес прежде всего как основанный на синтезе и синхронизации опыт реконструкции социальной реальности.

Проекты медийного конструирования и презентации «жизни в СССР» существовали и в советское время. Они носили почти исключительно идеологический характер: отечественные пресса, радио, телевидение приложили немало усилий, чтобы создать и транслировать позитивные представления о стране как для внутренней, так и для зарубежной аудитории. Самый яркий пример — журнал «Soviet Life». Основанный по соглашению между правительствами СССР и США в 1956 г. и выходивший на английском языке, он первоначально носил название «USSR», но уже в 1960-е гг., ориентируясь на запросы аудитории, изменил не только название, но и содержание: американского читателя интересовала не «большая политика», а реальная жизнь людей. Словосочетание «советская жизнь» вошло в международный лексикон. Так конструировался собирательный «экспортный» образ советского.

²² Парфёнов Л.Г. Намедни. Наша эра (URL: <https://namednibook.ru/volumes/1961-1970/>).

²³ Парфёнов Л.Г. «Наша история богата». Интервью // Отечественные записки. 2004. № 5 (URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/nasha-istoriya-bogata>).

²⁴ Бойм С. Общие места... С. 301—302; Бойм С. Будущее ностальгии.

²⁵ Абрамов Р.Н., Чистякова А.А. Ностальгические репрезентации позднего советского периода в медиапроектах Л. Парфёнова // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 1. С. 56; Фокин А.А. Реликты и симулякры советского... С. 68—69; Gorbachev O. The Namedni project and the evolution of nostalgia in post-Soviet Russia // Canadian Slavonic Papers. 2015. Vol. 57. P. 180—194.

В настоящее время словосочетание «советская жизнь» используется скорее как фигура речи (в лучшем случае) или как привычный, обыденный речевой оборот. Специалисты, выстраивая концепцию исследования, предпочитают заменять его другими понятиями (в числе лидеров — «советская повседневность»). Именно так поступили, например, участники одного из наиболее интересных для нашей темы проектов последних лет — «Советское в повседневности: прошлое и настоящее» (руководители: Л.Л. Адамс и Г. Айтпаева), призванного разработать интегральные учебные курсы («модели для сборки»), помогающие студентам «разбираться в *разнообразии советской жизни*» (!)²⁶. Его содержание, несмотря на название, выходит за рамки истории повседневности²⁷.

Н.Б. Лебина использует понятия «советский быт», «обыденная жизнь»²⁸. А.В. Юрчак реконструирует интегральную модель советской жизни применительно к конкретному периоду истории, опираясь на опыт конкретного, позднесоветского поколения. В качестве концептуальной рамки он выбрал понятие «советская система», или просто «система», но вложил в него иное содержание. Для него «система» — сложная конфигурация отношений, институтов, идентификаций и смыслов, из которых складывается «*пространство жизни граждан*»²⁹.

Откуда возникло это странное неприятие, почти боязнь использования понятия «советская жизнь»? Безусловно, можно указать на целый ряд причин: идеологическое обременение, нечёткость содержательных границ, обыденность восприятия и отсюда якобы «ненаучность». Однако трудно найти смысловую конструкцию, способную сохранять идеологический «нейтралитет» (пример: та же «система»). Нечёткость границ, несмотря на скепсис критиков, когда-то не помешала, а тем более теперь не препятствует успешному развитию истории повседневности. Кажущаяся «ненаучность» понятия — всего лишь (точнее, в первую очередь) проблема *языка*. А язык научного исследования — это не столько *слова*, сколько *смыслы*, которые мы в них вкладываем. Поэтому самое время перейти от слов к смыслам.

Когда в 1960-х гг. в Советском Союзе после более чем 30-летнего перерыва возобновились социологические исследования, Ю.А. Левада настаивал на системном подходе к изучению общества. В своих вызвавших большой резонанс, а потом объявленных «крамольными» лекциях по социологии он призвал рассматривать общественную жизнь как систему отношений, а отдельные её сферы — как части этой структуры («узлы» системы): «Известно, что ни один человек не живёт и не действует только в сфере труда. Очевидно, ни один человек, независимо от профессии, не живёт только в сфере юридических или моральных отношений общества, каждый одновременно живёт и действует и в сфере производственной, и в сфере нормативной, юридической, моральной, эстетической и т.д.»³⁰. Точно так же жизнь трудно разделить на публичное и

²⁶ Адамс Л.Л., Айтпаева Г. Дом, работа и «советское» сквозь призму повседневности (на примерах России, Эстонии и Кыргызстана) // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2014. № 2. С. 12.

²⁷ С содержанием проекта можно ознакомиться на веб-сайте проекта «Советская повседневность» (<https://sites.google.com/site/sovieteverydaylife>).

²⁸ Лебина Н.Б. Пассажиры колбасного поезда.

²⁹ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось... С. 36—37.

³⁰ Левада Ю.А. Сочинения / Сост. Т.В. Левада. М., 2011. С. 15.

приватное, работу и досуг, духовное и материальное. Она не ограничивается сферой повседневности: это и повседневность, и одновременно разрыв с ней, когда повторяемость обыденных практик сменяется новыми опытами, впечатлениями, эмоциями. Не случайно конкретные исследования истории советской повседневности нередко выходят за рамки собственно повседневной жизни.

Пытаясь реконструировать советскую жизнь, прежде всего необходимо изменить оптику восприятия объекта — от деталей к системе. Мне представляется, что в данном случае речь идёт о *системе бытования советского социума, его отдельных групп и индивидов в определённых условиях — регулируемых (заданных) и возникающих спонтанно, обладающих устойчивыми признаками (закреплёнными в обыденных практиках и ритуалах) и одновременно подвижных, изменчивых*. Система строится по принципу *транспредметных*, «перекрещивающихся» проблемных полей — пространству/мест, практик, субъектов, атрибутов и символов. Такие поля имеют собственную, достаточно сложную конфигурацию: так, пространства представлены публичной, приватной, «третьей» сферой, общими и локальными форматами. Среди практик можно выделить потребительские, трудовые, досуговые, образовательные, родительские, селективные (включение/исключение), ритуальные, контрольные, «нормальные» (предписываемые), отклоняющиеся. Круг субъектов зависит от критериев социальной идентификации и методов исследования (демографический анализ, гендерный подход, история поколений и др.), ими могут выступать элитарные и маргинальные группы, женщины и мужчины, люди разных возрастных категорий (дети, молодёжь, пожилые), поколения, представители разных народов.

Множественность пространств, практик и субъектов позволяет фиксировать не только общие признаки условий и качества жизни в СССР, но и их специфику — социальную, гендерную, национальную, культурную, географическую. Жизнь в столице была иной, чем на периферии, в городе — не такой, как на селе, а жители советского Узбекистана и советской Эстонии существовали как будто в разных измерениях. Специфика гендерных ролей и стереотипов накладывала отпечаток на поведение человека на работе, в семье, на отдыхе, определяла особенности коммуникации, формировала «мужские» и «женские» пространства. Неравный социальный статус и уровень достатка означали разную степень доступа к материальным ресурсам и благам. Важно за этим разнообразием не потерять предметный фокус, позволяющий маркировать «советскость» советской жизни (sic!).

Термин «*советскость*» («sovietness») вошёл в научный лексикон уже в конце 1990-х гг. Вместе с тем, как заметил М.Н. Губогло, ясности в его понимании нет до сих пор³¹. Он используется в разных контекстах и руководствуясь разными методологическими принципами³², чаще всего в качестве характеристики социокультурной идентичности — либо применительно к общей категории «советский человек», либо в более узком плане формирования наднациональной общности («советского народа») и характеристики межэтнических отношений в

³¹ Губогло М.Н. Концепт «советскости» в этнолого-антропологическом контексте // Вестник антропологии. 2017. № 3. С. 9.

³² Обзор основных позиций по данной проблеме см.: Губогло М.Н. Концепт «советскости» в этнолого-антропологическом контексте; Сомов В.А. Феномен советскости: историко-культурный аспект // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 12—20.

СССР и на постсоветском пространстве³³. Системный анализ категории «советскость» в историческом контексте преемственности институтов и отношений власти, собственности, общества в СССР и современной России предложил Ю.С. Пивоваров³⁴. Его понимание этой категории представляется мне вполне применимым и к задачам реконструкции особенностей советской жизни: *советскость как сочетание коридора возможностей и рамок ограничений*³⁵.

Советскость (советская специфика) не всегда артикулируется концептуально, но имплицитно присутствует в исследованиях советской повседневности. Одно из главных историографических направлений 2000-х гг. — изучение вещного мира, символов (брендов) советского³⁶, одежды и моды³⁷. Вопрос о том, что значит «быть советским», Т. Джонстон вынес в название своей книги, посвящённой обществу 1920—1950-х гг.³⁸ Д. Фюрст использует термин «sovietness» в монографии о последнем сталинском поколении³⁹. Любопытно, что при обсуждении этих книг рецензенты акцентировали внимание на выявлении специфики «sovietness» и отклонений от неё⁴⁰.

Вместе с тем в качестве идентификационного маркера системы бытования — советской жизни — концептуальные рамки советскости до сих пор фактически не использовались. Вероятно, первая эскизная попытка связать оба концепта — «советскость» и «советскую жизнь» — принадлежит В.А. Тишкову. Рассуждая об этнографии советскости, он писал: «В советской жизни многое было задавлено, прежде всего гражданские свободы и уважение к человеческой жизни. Что-то, наоборот, спонсировалось: социальный коллективизм, профессиональная культура и образование. Что-то было просто недостижимо в силу

³³ Аманжолова Д.А. Форматирование советскости. М., 2010; Барбашин М.Ю. «Советскость» в этносоциальном пространстве: этнические и институциональные процессы // Политика и общество. 2013. № 3. С. 368—372; Гайдук В.В., Смирнова К.И. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 2. С. 79—87; Попов М.Е. Метаморфозы надэтнической идентичности: советскость, этничность и российская гражданская нация // Национальная идентичность России и демографический кризис. М., 2007. С. 607—617.

³⁴ Пивоваров Ю.С. «...И в развалинах век» // Полис. Политические исследования. 2011. № 6. С. 52—77; Пивоваров Ю.С. О «советском» и путях его преодоления (статья первая). Советское Über alles // Полис. 2014. № 1. С. 60—82; Пивоваров Ю.С. О «советском» и путях его преодоления (статья вторая). Что делать? // Полис. 2014. № 2. С. 31—60.

³⁵ Пивоваров Ю.С. О «советском» и путях его преодоления (статья первая). С. 61—62.

³⁶ См., например: Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей...; Лебина Н.Б. Пассажиры колбасного поезда; Сделано в СССР: символы советской эпохи / Под ред. В. Озкан. М., 2013; Советские вещи: друзья, враги, предатели // Новое литературное обозрение. 2017. № 1 (URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/143_nlo_1_2017).

³⁷ Барлетт Д. Fashion East: призрак, бродящий по Восточной Европе. М., 2011; Гурова О.Ю. Советское нижнее бельё: между идеологией и повседневностью. М., 2008; Журавлёв С.В., Гронов Ю. Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917—1991 гг. М., 2013; Zakharova L. Soviet Fashion in the 1950—1960s: regimentation, Western influences, and consumption strategies // The Thaw: Soviet society and culture during the 1950s and 1960s / Eds. D. Kozlov, E. Gilburd. Toronto, 2013.

³⁸ Jonston T. Being Soviet: Identity, rumour, and everyday life under Stalin, 1939—1953. Oxford, 2011.

³⁹ Fürst J. Stalin's last generation: Soviet post-war youth and the emergence of mature socialism. Oxford, 2010.

⁴⁰ См., например, рецензии на монографию Т. Джонстона: Edele M. (Slavic Review. 2012. Vol. 71. № 4. P. 947—948), Hessler J. (The Journal of Modern History. 2013. Vol. 85. № 2. P. 484—485), Kindler R. (Journal of Social History. 2014. Vol. 47. № 4. P. 1113—1115).

неэффективного хозяйствования и плохого управления: личное богатство, обустроенная среда обитания, достойная бытовая культура и пространственная мобильность»⁴¹.

В реконструкции советской жизни как предмета исследования концепт «советскость» выполняет двойную функцию: социокультурную — как идентификационный маркер — и инструментальную, позволяющую выстроить систему координат жизнедеятельности социума («коридор возможностей и рамки ограничений»). Советскость, безусловно, фиксирует специфику, однако она имеет сложную природу: задаёт «норму», но одновременно допускает отклонения от неё. Представления об исключительности советского, в том числе почти абсолютной подконтрольности и управляемости сфер и субъектов советской жизни, её оторванности от основных тенденций модерности, сейчас могут быть отнесены к разряду историографических анахронизмов. Даже развитие сферы частной жизни в СССР, долгое время считавшейся едва ли не уничтоженной, в своей имманентной советскости вполне коррелировало с эволюцией приватности в западном мире⁴². Особенности советского рельефнее обозначились из постсоветской перспективы. Рамка советскости — и в частной, и в публичной сферах жизни — оказалась достаточно гибкой и проницаемой, чтобы граждане смогли приспособиться к постсоветской реальности. «По-видимому... по крайней мере какая-то часть публичной жизни в условиях государственно-социалистической диктатуры готовила граждан к этим переменам», — к такому выводу пришли авторы книги о развитии публичной сферы в Советском Союзе⁴³.

Но вместе с тем после распада СССР стало очевидно и другое: советскость не растворилась в постсоветской социальной реальности, а постоянно напоминала о себе. Уровень и качество жизни существенно изменились, а модели поведения, привычки, форматы коммуникации у многих людей остались прежними. Одними из первых эту тенденцию выявили социологи Левада-Центра, много лет изучавшие «советского человека» в динамике. Авторы проекта, задуманного в 1988 г. для описания «уходящей натуры», спустя десятилетия оказались вынуждены признать, что «натура» никуда не уходит. «Советский человек» воспроизводится, причём и в постсоветских поколениях⁴⁴. Он больше не стоит в очередях, не гоняется за дефицитом и даже не ищет утешения на кухне товарища, но во многом живёт по меркам «советской жизни».

У каждого исторического феномена есть хронологические рамки. С какого момента мы можем отсчитывать советскую жизнь? В этом вопросе я снова солидарна с Ю.С. Пивоваровым: советская жизнь стала «нормальной», т.е. приобрела черты устойчивости, примерно с середины 1950-х гг.⁴⁵ А до этого? Главный субъект советской жизни — советский человек — в качестве целевого

⁴¹ Цит. по: Тишков В.А. Этнография советскости // Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования. М., 2018. С. 32—44.

⁴² Подробнее об историографии частной жизни см.: Зубкова Е.Ю. Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения // Российская история. 2011. № 3. С. 157—167.

⁴³ Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs: Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten / Hrsg. G. Rittersporn, M. Rolf, J. Behrends. Frankfurt a/M, 2003. S. 10.

⁴⁴ Гудков Л.Д. «Мы поняли, что советский человек никуда не уходит» (URL: <https://www.levada.ru/2017/07/24/my-ponyali-chto-sovetskij-chelovek-nikuda-ne-uhodit>).

⁴⁵ Пивоваров Ю.С. «...И в развалинах век». С. 61.

проекта был задуман раньше. И чрезвычайщина, мобилизационные стратегии тоже неотделимы от советскости, по крайней мере на довольно длительном этапе истории страны и её граждан. Поэтому исторически корректно разделить советскую жизнь на «чрезвычайный» (сталинский) и «нормальный» периоды.

Советская жизнь: субъекты, пространства, практики

Безусловно, система бытования советских граждан имела специфику. Моя задача — эскизно обозначить лакуны в историографии, которая до сих пор носит весьма избирательный характер. Это отразилось на выборе хронологического периода, субъектов, сюжетов. В последние годы фокус начал смещаться на послевоенный и позднесоветский периоды, но историографический мейн-стрим по-прежнему сосредоточен на 1920—1930-х гг. Среди субъектов советской жизни пальму первенства уверенно держат «женская» и «детская» истории⁴⁶. Существует своеобразный историографический эйджизм, когда остаётся вне поля зрения, например, жизнь представителей старших возрастов⁴⁷. Советская жизнь — еще и история поколений, причём не в демографическом, а в социокультурном смысле этого понятия: постреволюционное, фронтовое (участники Великой Отечественной войны), послевоенное, «шестидесятники», позднесоветское. У каждого поколения своя история и своя советская жизнь⁴⁸.

Столь же избирательно освоены и пространства советской жизни. Это касается и публичной, и частной, и «третьей» сферы («третьего места», по теории Р. Ольденбурга⁴⁹). Последнее играло исключительно важную роль в условиях подконтрольности публичной и частной жизни. Как особое пространство коммуникации оно берёт начало в «голубых дунаях» послевоенных лет, ставших последним прибежищем фронтового братства, потом находит продолжение в молодёжных кафе периода «оттепели» и переформируется в мини-пространства — «кухни», «гаражи», «качалки». На таких мини-пространствах — дворах, подъездах и подвалах многоэтажек — сделал акцент А. Голубев⁵⁰. О коммунальных квартирах, долгое время формировавших жизненный мир советского,

⁴⁶ Отмечу очень разные, но наиболее значимые, с моей точки зрения, книги по «детской» истории: *Смирнова Т.М.* Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917—1940 гг. М., 2015; *Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940—1980-е)* / Ред. И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов. М., 2015; *Kelly C.* Children's world: growing up in Russia, 1890—1991. L.; New Haven, 2007; *Kucherenko O.* Little soldiers. How Soviet children went to war. Oxford, 2011.

⁴⁷ Исключением из общей тенденции являются публикации М.В. Ромашовой. См., например: *Ромашова М.В.* «Дефицитная» бабушка: советский дискурс старости и сценарии старения // Новое литературное обозрение. 2015. № 5 (URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/3/6r.html>); *Ромашова М.В.* Мировая история старения: от античности до современности // Вестник Пермского университета. 2017. № 1. С. 189—197.

⁴⁸ Книг, представляющих советскую жизнь в поколенческом аспекте, пока совсем немного: *Вайль Л., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М., 1996; *Рейли Д.* Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране. М., 2015; *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014; *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось...; *Hellbeck J.* Revolution on my mind. Writing a diary under Stalin. Cambridge, 2006; *Fürst J.* Stalin's last generation...; *Zubok V.* Zhivago's children: The last Russian intelligentsia. Cambridge; L., 2009.

⁴⁹ *Ольденбург Р.* Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М., 2014.

⁵⁰ *Golubev A.* Elemental materialism: Objectifying power and selfhood in the late USSR, 1961—1991. Diss. Vancouver, 2016.

написано уже довольно много, как и о пришедших им на смену «хрущёвках»⁵¹. Но большинство мини-пространств пока остаются вне поля зрения историков.

Специфика советской жизни рельефно отразилась в её практиках, например, ритуальных: приём в пионеры, ВЛКСМ, партию, отбор кандидатов для зарубежных поездок, комсомольские и партийные собрания. Чистки — обязательный атрибут партийной жизни 1920—1930-х гг. — сохранились в другом виде (например, разбор персональных дел за «аморальное поведение») как часть контрольного механизма, который, казалось, формировал социальный порядок⁵².

Особая тема — потребительские практики. Насколько и когда применимо к советской реальности «западное» понятие «консюмеризм»? Можно ли назвать советского человека «потребителем» в том смысле, о котором писал Ж. Бодрийяр?⁵³ В какой степени *homo soveticus* являлся *homo consumens*? А. Берелович пишет по этому поводу: в 1970-х гг. советское общество «полностью решает проблему физиологического выживания и превращается если не в общество потребления, то, во всяком случае, в такое общество, которое стремится потреблять»⁵⁴. *Общество потребления в условиях дефицита* — ещё один феномен, изучение которого, по сути, только началось⁵⁵. 24 декабря 1953 г. советские газеты сообщили две новости — о расстреле Л.П. Берия и об открытии главного универмага страны — ГУМа. Это знаковое совпадение отметила зарубежная пресса. Спустя несколько лет немецкий еженедельник «Der Spiegel» писал о «дороге к ГУМу» как предвестнике «оттепели» — возвращении жизни в СССР в «нормальное» состояние⁵⁶.

Советские досуговые пространства и практики, особенно позднесоветского периода — ещё одна территория, ждущая освоения. Работа и досуг оказывались тесно связаны — хотя бы потому, что доступ ко многим досуговым и тем более рекреационным возможностям зависел от производственных показателей, а особенно от контактов/связей. С. Ловелл предложил ещё один параметр измерения советского — *время*: «Если вы хотите понять, что такое досуг, вам следует изучить, как люди осмыслили труд... как они делили своё время. То, что вы обнаруживаете, оказывается вовсе не плавным переходом от труда к

⁵¹ Герасимова Е. Советская коммунальная квартира // Социологический журнал. 1998. № 1—2. С. 224—244; Лебина Н.Б. Советская повседневность. Нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2018; Меерович М.П. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917—1937. М., 2008; Утехин И. Очерки коммунального быта. М., 2001; Бойт S. Common places: mythologies of everyday life in Russia. Cambridge, 1994; Герасимова К. Public spaces in the communal apartment // Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs... S. 165—193; Обертрейс J. Tränen des Sozialismus: Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie 1917—1937. Köln, 2004; Reid S.E. The meaning of home: «The only bit of the world you can have to yourself» // Borders of socialism. Private spheres of Soviet Russia. Basingstoke, 2006. P. 145—170; и др.

⁵² Лучший текст на эту тему — стихотворение «Красный треугольник» А.А. Галича.

⁵³ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006; Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 2001.

⁵⁴ Берелович А. Семидесятые годы XX века: реплика в дискуссии // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 4. С. 64.

⁵⁵ Одна из наиболее интересных работ на эту тему: Иванова А.С. Магазины «Берёзка». Парадоксы потребления в позднем СССР. М., 2017.

⁵⁶ Die Straße zu «Gum» // Der Spiegel. 1957. № 29. S. 28—35.

досугу, а сложными взаимодействиями между различными *переживаниями времени*» (курсив мой. — Е.З.)⁵⁷.

Советская жизнь — для кого-то часть личного опыта, для других, «постсоветских» — вообще *terra incognita*. В любом случае это повод, наконец, более пристально присмотреться к этому весьма любопытному феномену.

Вместо заключения

В течение двух лет я вела курс «Советская жизнь: пространства, субъекты, практики» для студентов магистратуры Высшей школы экономики. Среди моих слушателей были, условно, «медиевисты» и «новисты», т.е. те, кто занимался периодом до XX в. и даже не российской историей, и будущие специалисты по истории России XX—XXI вв. Во время наших семинаров я отметила интересную закономерность: анализ легче давался «новистам», а с синтезом — конструированием из деталей целого — успешнее справлялись «медиевисты». Дело в том, что «новисты» лучше знакомы с историографией, проработавшей советскую жизнь в деталях, но не предложившей пока стратегии сборки. «Медиевистам» проще, поскольку у них, меньше обременённых «деталью» профессиональной историографии, имела свобода маневра. И тем, и другим помогли близкие люди, поделившиеся опытом жизни в советской реальности. Мы вместе пытались собрать этот конструктор. Что-то из этого, в общем, довольно амбициозного и непредсказуемого проекта получилось, что-то нет.

Данная статья — не анализ историографии и даже не «инструкция по сборке», а всего лишь приглашение к обсуждению, как мне представляется, очень нужной и перспективной проблемы.

⁵⁷ Ловелл С. Досуг в России: «свободное» время и его использование // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 167.

Наталья Лебина

О «постсоветской ностальгии», «тяжёлом хаке» и пейорации прилагательного «советский»

Natalya Lebina (Northwest Branch of Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Saint Petersburg, Russia)

On post-Soviet nostalgia, «heavy hak» and pejoration of adjective «Soviet»

DOI: 10.31857/S086956870006373-1

Статья Е.Ю. Зубковой, носящая, по её словам, импульсивно-провокационный характер, кроме несомненных интеллектуальных достоинств, обладает ещё и качеством, редко встречающимся в учёной среде — эмоциональностью. В ней явно ощущаются тревога и беспокойство, охватывающие академического исследователя в ситуации нарастания так называемой постсоветской ностальгии. Не берусь в научном ключе обсуждать происхождение этого феномена, но как обыватель, «рождённый в СССР», я склонна объяснять вселенскую «тоску по советскому» не столько желаниями вернуть «державу» и «смыслы», сколько бытовым страхом перед проблемой свободного выбора в сфере идеологии, культуры, быта, морали.